

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₇₎

ОСЕНЬ — ЗИМА

2007

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Обращение Поздней Цзинь к династии Мин.
Введение, комментированный перевод
с маньчжурского языка *Т.А. Пан* 5
- Ю. Клапрот. Ци цзя ту хэби* (Головоломка
из семи частей). Предисловие и публикация
Х. Валравенса (на англ. яз.) 21
- Л.Ю. Тугушева.* Фрагменты раннесредневековых
тюркских гадательных книг из рукописного собрания
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения
РАН. Публикация, транслитерация и перевод 37

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.И. Иванов.* Богобоязненность *ходящих прямыми
путями* (к вопросу о происхождении и точном
значении чжоуских категорий *дэ 德* и *вэй 威*) 47
- Е.В. Ревуненкова.* Малайская рукопись
Крузенштерна *Сулалат-ус-салатин* и ее
культурно-историческое значение (II) 78
- А.М. Соколов.* Эмиси — эдзо — айны. Айны в пределах
японских владений в средние века и эпоху Кинсэй
(области Цугару, Симокита [Хонсю] и Мацумаз
[Хоккайдо]) 97
- Д. Цолин.* Литературные формы библейской истории
Сотворения (Быт. 1:1–2:3) и их риторическая
интерпретация в таргумах 110
- А.С. Четверухин.* Материал для фоно-морфологической
реконструкции ряда египетских служебных морфем.
Предлоги (*j)t*, (*j)n*, (*j)r*) и их производные формы 119

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2007

На четвертой стороне обложки:

Лист № 11 из китайского альбома Х-7 (коллекция художественного фонда СПбФ ИВ РАН) после реставрации

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
Н.Г. Михайлова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
И.И. Чернышева
Е.А. Пронина
А.В. Богатюк

© Российская академия наук, 2007
© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения, 2007

<i>И.Т. Канева.</i> Общевопросительные предложения в шумерском языке	140
<i>М. Кемпер.</i> Захваты текке и агиография Хаджжи Бекташа, Хаджим Султана, Дамир Баба и Караджи Ахмада XV–XX вв. (на англ. яз.)	144
<i>К.В. Военец.</i> Древнеиндийская грамматика Aṣṭādhyāyī (Диалог поколений индийской лингвистической традиции)	168
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
<i>И.А. Алимов.</i> «Бэй мэнь со янь» Сунь Гуан-сяня (895? — 968): автор, сборник и персонажи	180
<i>О.Ф. Акимушкин.</i> Художник Касим ибн 'Али и рукопись РНБ «Ахсан ал-кибар» (Dom 312)	202
<i>А.М. Стрелков.</i> Новый источник изучения тантры Калачакра — сочинение «Шри Калачакра лагху тантра раджа хридая» в тибетском переводе	209
<i>Б.В. Норик.</i> Кати'и Харави и его антология поэтов императора Джахангира	220
<i>И.Р. Каткова.</i> Мусульманский мистицизм Западной Суматры (устная и письменная традиции)	235
<i>А.Л. Федорин.</i> К вопросу об истории ксилографирования канонических и исторических текстов во Вьетнаме	245
КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
<i>И.В. Зайцев.</i> Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы московских собраний: итоги и перспективы изучения (опыт справочно-библиографического указателя)	252
Взаимодействие питерских и московских китаистов. Письма П.Е. Скачкова В.С. Мясникову, 1957–1959 гг. Подготовка к изданию <i>В.С. Мясникова</i>	279
РЕСТАВРАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ	
<i>Н.В. Степанова, Л.И. Крякина, Ю.Г. Арчакова, И.Н. Кулешова.</i> Опыт исследования и реставрации экспортных китайских картин на тетрапанаксе бумажном из коллекции художественного фонда Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН	289
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>И.В. Кульганек.</i> Вторые Доржиевские чтения «Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство» (Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2006 г.)	298
<i>Т.В. Ермакова.</i> Годичная научная сессия СПбФ ИВ РАН 2006 г.	301
<i>З.А. Юсупова.</i> Заседание, посвященное памяти М.Б. Руденко (1926–1976)	302
РЕЦЕНЗИИ	
Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития (<i>Т.В. Ермакова</i>)	303
<i>Е.В. Бойкова.</i> Библиография отечественных работ по монголоведению: 1946–2000 гг. (<i>Т.И. Юсупова</i>)	305
IN MEMORIAM	
Лев Серафимович Савицкий (1932–2007)	308
Ордихан Джасмович Джалилов (1932–2007)	310

А.М. Соколов

Эмиси — эдзо — айны

**Айны в пределах японских владений
в средние века и эпоху Кинсэй**

**(области Цугару, Симокита
[Хонсю] и Мацумаэ [Хоккайдо])**

Археологические открытия на Хоккайдо и Хонсю, а также письменные источники средних веков (VIII–XVI) и эпохи Кинсэй (XVII — сер. XIX) свидетельствуют о том, что айны с давних пор имели тесные культурные контакты с японским обществом. Сложный вопрос — этническая принадлежность айнов и их генетическая связь с японцами. Проблема сводится к двум гипотезам. Согласно первой, изначально айны не были связаны с японской народностью. Они являлись потомками аборигенов Японских островов, которые занимали территорию архипелага вплоть до крайнего юга и были вытеснены пришедшими позже на острова вадзин (японцами). Согласно второй гипотезе, айны и японцы имеют единую расовую основу. Однако в древности, в силу исторических условий, предки айнов обособились и выделились в отдельную расу¹. Н.В. Кюннер предлагал рассматривать айнов в качестве «домонголоидного» населения Восточной Азии. Часть этого населения при отделении от Азиатского материка цепи Японских и более южных островов оказалась отрезанной от материка. Последующее же развитие в условиях территориальной замкнутости позволило этому населению сохранить в себе первобытные черты культуры, которые, в свою очередь, и являются общими для более мелких групп, обитающих на отдельных островах. Одной из этих групп были айны, сохранившие некоторые сходства с обитателями более южных островов — полинезийцами, меланезийцами и индонезийцами. Таким образом, айнов и японцев можно рассматривать как представителей различных стадий антропологической эволюции раннего населения Восточной Азии, не имеющих прямой связи или родства между собой². Такая точка зрения нам представляется вполне обоснованной.

Возникает вопрос, с какого времени можно говорить об айнах как вполне сформировавшейся народности. Большинство современных японских исследователей полагают, что верхние границы становления айнской культуры определяются XIII в., т.е. заключительным этапом эпохи Сацумон (VIII–XIII вв.). Так считают, в частности, Т. Сасаки и И. Кикучи³. Далее, по мнению К. Сасаки, население Хоккайдо не представляло собой единой по этническому составу общности приблизительно до XII в. С XII в. аборигены Хоккайдо — эдзо стали приобретать облик айнов. Территория их

¹ Кюннер Н.В. Айны. Этнографический очерк // АИЭ, ф. 8, оп. 1, № 302. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Sasaki Toshikazu. Ainubunkashi noto (Заметки по айнской культуре). Токио, 2001; Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin. Higashi ajia no naka no ezochi (Айнская народность и японцы. Земли Эдзо внутри Восточноазиатского региона). Токио, 1999.

проживания в то время ограничивалась северными районами Хонсю и Хоккайдо⁴. С.А. Арутюнов и В.Г. Щебенков, в свою очередь, полагают, что культура айнов Хоккайдо окончательно сформировалась в процессе интеграции локальных культур к XIII–XIV вв. Она характеризовалась исчезновением керамической посуды и повсеместным распространением привозных металлических котелков. Указывается на то, что сходная культура существовала и в северо-восточных районах о-ва Хонсю⁵. По мнению Кодзима Кёко, периодом «айнизации» на Хоккайдо можно считать время с конца XIII в., когда произошел отход от массового производства и использования керамической продукции, а вместо печей *камадо* стали использовать очаги *ро*, которые заняли главенствующее место в устройстве жилищ того времени⁶.

Обобщая мнения исследователей и принимая во внимание общие культурные изменения, можно предположить, что время формирования айнской народности — это XII–XIII вв.

Скорее всего, уже в XIII–XIV вв. область расселения айнов охватывала не только Хоккайдо (до революции Мэйдзи Эдзо или Эдзогасима) и северные области Хонсю. Им удалось проникнуть на Сахалин (яп. Карафутто) и Курильские острова (яп. Тисима).

Если говорить о ранних сведениях относительно айнов Сахалина (Карафутто), многие исследователи нередко ссылаются на китайские хроники «Гэнси» («История династии Гэн / Юань»), где сказано, что в XIII в. между так называемыми группами *куй* и *гирэми* (имеются в виду китайские войска династии Юань (яп. Гэн), 1280–1367) вспыхнула война, в ходе которой боевые действия распространились и на земли Карафутто. Причиной стало то, что племена *куй* атаковали *гирэми*, до этого уже подчинившихся Юань. В результате Юань отправила туда карательные войска. Скорее всего, под *гирэми* следует понимать нивхов, а под *куй* — айнов.

Следы деятельности айнов обнаруживаются не только на Сахалине и Курильских островах, но и на южной части Камчатки. Таким образом, айны находились, с одной стороны, под влиянием народов Дальнего Востока, с другой — японцев. Важным является то, когда именно айны вошли в тесное соприкосновение с японцами, каким образом и насколько «близкими» были их взаимоотношения.

Еще одна проблема — можно ли идентифицировать *эмиси* с айнами, и насколько правомерно говорить о контактах айнов и вадзин (собственно японцев) в эпоху Хэйан (794–1185), когда шла напряженная борьба за северо-восточные территории Хонсю.

Следует заметить, что вадзин — это древнее самоназвание японцев; буквально — «люди страны Ва», ставшие ядром раннеяпонского государства Ямато; далее будет использоваться именно этот этноним. Древние японцы также называли себя *комин*, *хякусэй* и т.д., что в целом можно охарактеризовать как «подданные императора». С течением времени содержание некоторых понятий изменялось. Так, *хякусэй* стало употребляться преимущественно в отношении крестьянского населения Японии.

Что же касается понятия *эмиси*, то, если придерживаться точки зрения японских исследователей, оно не является обозначением какой-либо народности, но указывает на население северо-восточных территорий японских островов, а также Хоккайдо, которое не подверглось в свое время влиянию со стороны культуры Яёй (III в. до н.э. — III в. н.э.). Слово *эмиси* впервые встречается в «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), памятнике, составленном придворным историографом О-но Ясумаро в 712 г. *Эмиси* упоминаются здесь в историях, связанных с деятельностью императора

⁴ *Sasaki Kaoru*. Ainu to "Nihon" — minzoku to shukyo-no hopposhi (Айны и «Япония» — история северных народностей и религий). Токио, 2001. С. 132.

⁵ Арутюнов С.А., Щебенков В.Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М., 1992. С. 53.

⁶ *Kojima Kyoko*. Ainubunka-no seiritsu kara ranjyuku made (От становления айнской культуры до периода ее расцвета) // *Senjumin ainu minzoku* (Аборигены айны). Токио, 2004. С. 18.

Кэйко, который послал на борьбу с различными племенами старшего сына Ямато Такэру-но Микото. Видимо, этот миф сложился довольно поздно и отражает представления японцев-вадзин об *эмиси* того времени. Если обратиться к древним китайским памятникам и японским источникам *фудоки* (местные летописи раннеяпонских княжеств), аборигенное население японских островов не было однородным. Этноним *айну* здесь еще не встречается, зато имеется множество упоминаний о «волосатых дикарях», «мохнатых варварах» и «свирепых разбойниках» *эбису*, или *эмиси*, «которых японская историографическая традиция чаще всего отождествляет с древними айнами или с их предками»⁷. Согласно древним хроникам, из числа «варваров» выделялись племена *цутукумо*, *кудзу*, *яцукахаги*, а также *нисимоно*, равнинные и горные *саэки*, а также *хита*, или *хина*. Определить, кто именно из них имел отношение к айнам, — задача, видимо, неразрешимая⁸. Они то отождествляются с *эбису* (*эмиси*), то противопоставляются им⁹.

Известно, что с древности между *эмиси* Хонсю и Хоккайдо существовали торговые отношения. Об этом свидетельствуют находки остатков культуры Кофун (III–VII вв.) в районах Тохоку и на южной оконечности Хоккайдо. Вероятно, в то время население, занимавшее область от Хоккайдо до Тохоку, разговаривало на праязыке айнов. К IX в. на Хонсю вадзин обосновались вплоть до границы современных префектур Мияги–Иватэ. Постепенно здесь сформировались мощные субъекты власти в лице домов Абэ и Киёхара, которые были связаны как с японским государством эпохи Хэйан (794–1185), так и с обществом *эмиси*. В ходе захватов и освоения населением вадзин новых районов *эмиси* (на пограничных с вадзин территориях) оказались на пути к ассимиляции¹⁰. Окончательное разрушение общества *эмиси* области Тохоку было связано с падением рода Фудзивара из Осю в конце XII в. и установлением контроля над этими территориями со стороны бакуфу (военного правительства) Камакура.

В период с конца эпохи Хэйан по начало эпохи Камакура (1185–1333) в обществе вадзин вошли в моду стихи с упоминаниями *эмиси*. В первую очередь это произошло из-за самобытности обычаев вадзин. *Эмиси* ассоциировались с чужеземными обычаями, поэтому и привлекали внимание. Однако с наступлением эпохи междоусобных войн до жителей столицы перестали доходить сведения об отдаленных регионах. Кроме того, *эмиси* подвергались ассимиляции. Постепенно интерес к ним упал¹¹.

Письменные источники средних веков свидетельствуют о том, что население отдаленных регионов Тохоку и Эдзогасима — называвшееся *эдзо* или *эбису* — нередко вызывало у вадзин ассоциации с чем-то демоническим. Жителями столичных районов страны даже вадзин из северо-восточной области Хонсю вплоть до эпохи Мэйдзи (1867–1912) продолжали осознаваться в качестве «варваров».

Названия *эдзо* и *эмиси* несут в себе много различных значений. Во-первых, до преобразований Мэйдзи Хоккайдо именовался Эдзогасима или Эдзо. Нередко, словом *эдзо* вадзин обозначали айновое население, кроме того, использовали его и как синоним *эмиси*. Впервые употребление слова *эдзо* обнаруживается в «Кондзяку моноготари» («Повести о ныне уже минувшем») — сборнике древних сказаний Японии,

⁷ Таксами Ч.М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М., 1990. С. 9.

⁸ Племенная дробность населения Хонсю нашла свое отражение в очень большом числе локальных вариантов культуры Дзёмон. То же касается и Хоккайдо. Эпоха Дзёмон на Хоккайдо сменялась эпохами Дзокудзёмон, а затем Сацумон (VIII–XIII вв.). В эпоху Сацумон здесь была развита так называемая охотская культура, которая также оказала значительное влияние на становление в XII–XIII вв. айновской народности.

⁹ Арутюнов С.А., Щербеньков В.Г. Древнейший народ Японии. С. 27.

¹⁰ Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin. С. 54.

¹¹ Kindaichi Kyosuke. Ainu-no kenkyu (Изучение айнов). Токио, 1925. С. 50–52.

созданных, предположительно, в первой половине XII в. Согласно этому памятнику, представители рода Абэ назывались предводителями *эбису*. Здесь же указывается на то, что к фамилии Абэ относились так называемые «*эдзо* глубинных районов страны». Таким образом, понятия *эбису* и *эдзо* были разделены¹². Источник происхождения слова *эдзо* остается загадкой. Согласно одной из точек зрения, появление *эдзо* обязано японизированному китайскому чтению иероглифов слова *идзи* (伊治), появившегося в VIII в. Однако существуют и другие версии.

Вероятно, что слово *эдзо* в отношении населения районов Муцу, Дэва (Тохоку) и Хоккайдо употреблялось дифференцированно. С одной стороны, оно указывало на *фусю* (одно из названий эмиси области Тохоку, употреблявшееся вадзин в эпоху Хэйан)¹³, с другой стороны, на носителей так называемой культуры Сацумон. Можно сказать, что в средние века население на границах японского государства *кокка* (т.е. государства, живущего по письменно зафиксированному закону) и за его пределами, от востока и до севера, осознавалось как *эдзо*¹⁴. С середины XII в. слово *эдзо* стало часто употребляться в поэзии *вака*, а в дальнейшем и в качестве обозначения населения районов Цугару и Хоккайдо. Видимо, переход от общеупотребительного слова *эмиси* к *эдзо* произошел именно в этот период¹⁵.

Для обозначения населения Цугару и Хоккайдо вадзин уже в середине VII в. употребляли ряд слов с одинаковым звучанием *цугару*, но записывающихся разными иероглифами, кроме того, слова *цугару эмиси*, а также *ватарисима эмиси*. Некогда японские исследователи соотносили *ватарисима эмиси* с населением, занимавшим территории от Носиро и Акита вплоть до Цугару. Однако в настоящее время считается, что *ватарисима эмиси* следует соотносить главным образом с населением Хоккайдо. С середины XII в. население Хоккайдо становится известным под названием *эдзо*¹⁶.

Таким образом, в отношении общества древних эмиси районов Хоккайдо и северо-востока Хонсю (Тохоку) можно с большой долей вероятности предположить, что в эпоху Хэйан оно распалось на тех, кто стал носителем культуры Сацумон, превратившись затем в *эдзо* средних веков (айнов), и на *фусю*, ставших вскоре принимать облик крестьян и утрачивать осознание себя как *фусю*¹⁷. Если говорить о влиятельных лицах в области Тохоку, контролировавших пограничные территории вадзин и *эмиси* (начиная от фамилии Андо и кончая родом Фудзивара), то, с одной стороны, усиливалась связь с централизованным государством вадзин, с другой — терялась связь с местными *фусю*. С гибелью Фудзивара Осю (Муцу-но кун) и подчинением севера Хонсю сёгунату Камакура коренное население северных районов Цугару и Хоккайдо стало называться исключительно *эдзо*.

Остановимся теперь более подробно на *эмиси* (*эдзо*) области Хоккайдо. Если следовать документу «Сува даймё дзинэкотоба» («Иллюстрированное повествование храма Сува», 1356 г.), в начале XIV в. на Хоккайдо существовало три группы населения — *хиномото*, *карако* и *ватарито*. В отношении первых двух подробных сведений практически нет. Думается, что *хиномото* являлись жителями восточной части Хоккайдо, а *карако* — западной, со стороны Японского моря. Можно также предположить, что первые имели отношение к населению Курильских островов, а вторые — к Сахалину и прибрежным районам. О *ватарито* из исторических хроник известно

¹² Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin. С. 40.

¹³ Слово *фусю* имеет менее негативную характеристику, нежели *эмиси*.

¹⁴ В средние века границами японского государства на востоке считались территории Сотогахамы и Эдзогасима, на западе — Кикаигасима, Цусима, Корай, на севере — Садо, на юге — Тоса.

¹⁵ Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ Там же. С. 42.

уже с IX в. Областью их деятельности являлась южная оконечность Хоккайдо, а опорные пункты находились в Усорикэси (старое название Хакодатэ) и Матумай (Мацумаэ). Переправляясь через залив Цугару на Хонсю, они нередко совершали нападения на местное население, кроме того, осуществляли торговлю с районами Цугару и Сотогахамы. Известно, что в 810 г. эмиси (*ватарито*), прибыв в Кэсэн гун, попросились на зимовку. В 875 г. *Араэбису ватарито* атаковали на 80 военных судах Акитагун и Акумигун, убили местных крестьян и захватили их имущество. В 879 г., во время мятежа, который подняли *фусю* уезда Акитагун, 103 командующих *эмиси ватарито*, возглавляя 3000 человек, двинулись на укрепление Акита. Однако, получив радушный прием, они не приняли участия в мятеже.

В 893 г. *ватарито* на своих судах часто посещали земли Муцу. Очевидно, что в конце IX в. нередко возникали ситуации, когда вероятность военных столкновений между *ватарито* и *фусю* там была велика¹⁸.

Ватарито, судя по письменным источникам, обычаями и внешним видом во многом походили на *вакаку* (японцев), тем не менее в их обычаях усматривались и характерные айньские черты¹⁹. Известно, например, что *ватарито* использовали костяные наконечники стрел, а также стрелы, которые натирала ядом; женщины перед сражением с *инау*²⁰ в руках обращались к небу с молитвами и произносили заклинания. Судя по этому описанию, *ватарито* включали в себя айньскую народность, однако нельзя утверждать, что являлись исключительно лишь айнами²¹. Какое именно отношение *ватарито* имели к айнам (селившимся на южной оконечности Хоккайдо — п-ове Осима), остается неясным²².

В письменном памятнике «Синра-но кироку» («Записи Синра / Повествование о землях Мацумаэ», 1189 г.?), где содержится одно из самых ранних упоминаний относительно Хоккайдо, сообщается, что в состав *ватарито* входили, во-первых, потомки беженцев из Муцу и Дэва, во-вторых, потомки ссыльных. Так, многие бежали на Эдзогасима (Хоккайдо) из Нуканобу (префектура Иватэ) и Цугару в конце XII в., что связано с нападением на северные провинции о-ва Хонсю войск Минамото Ёритомо (1192–1219), основателя сёгуната Камакура, гибелью местных князей Фудзивара из Хираидзуми. Что касается ссыльных, к их числу относились разбойники и пираты, изгонявшиеся с Хонсю во времена сёгуна Минамото Санэтоки (третий по счету сёгун из рода Минамото, 1192–1219). К середине XIV в. те, кто был сослан при Минамото Санэтомо, стали известны как *ватарито*, и их фамилии нередко встречались в числе вассалов князей Мацумаэ²³.

Если следовать «Синра-но кироку» и «Сува даймё дзинэкотоба», то после установления власти Минамото Ёритомо о-в Хоккайдо стал называться Ито (夷島) и превратился в «захолустные земли», также ставшие местом ссылки²⁴. Доминирующее положение на Эдзогасима в средние века удалось занять роду Андо.

«Синра-но кироку» свидетельствует о том, что Андо Морисуэ, глава клана Андо района Цугару (Симонокун), перебрался на Эдзогасима, потерпев поражение в борьбе с кланом Намбу. В эпоху Камакура он стал правителем земель Эдзо. Андо

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 49.

²⁰ *Инау* — заструганные деревянные палочки, которые рассматривались айнами как особо священные предметы. Культ *инау* является характерным для айньской культуры.

²¹ *Kikuchi Isao*. Ainu minzoku to nihonjin. С. 49.

²² *Kojima Kyoko*. Ainubunka-no seiritsu. С. 18.

²³ *Matsuzaki Mizuho*. Konjuu suru wajin. Ainu-no seikai (Мир совместного проживания вадзин и айнов) // Yomigaeru kita-no naka, Kinsei; Horidasareta ainubunka (Эпоха средних веков и Кинсей северных областей. Археологические памятники по айньской культуре). Саппоро, 2001. С. 44.

²⁴ *Kojima Kyoko*. Ainubunka-no seiritsu. С. 18.

Морисуэ и его приверженцы обосновались на южном побережье, основав там свои укрепления. Многие из этих приверженцев связывали впоследствии свои имена с фамилией Андо, употребляя соответствующие иероглифы в написании и показывая тем самым родственную с ним связь²⁵.

Японские исследователи склонны рассматривать Эдзогасима (Хоккайдо) в качестве территориальной области, где на заключительной стадии эпохи Сацумон зародилась айнская народность и откуда она распространила свое влияние на близлежащие территории. Становление айнской культуры происходило под сильным влиянием со стороны материковой Сибири. Об этом свидетельствует то, что как язык, так и многие обычаи айнов имеют северную окраску. Религия айнов, например, во многом тяготеет к северо-тунгусскому шаманству²⁶.

Представление японцев о том, что *эдзо* являются айнами, сложилось, видимо, в эпоху Кинсэй. Наиболее старые сведения, согласно которым айны называли о-в Эдзогасима «Айнумосири» (следовательно, идентифицировали себя собственно с айнами), относятся лишь к концу XVI в.²⁷ Первое упоминание слова *айно* с японской стороны встречается в источнике «Хоккай дзуйхицу» («Повествование о северных землях», 1739 г.). Здесь слову *айно* придавалось значение «почтенный», «уважаемый». Затем *айно* было зафиксировано в отчете по обследованию Эдзо Саго Гэнрокуро (1786 г.). *Айно* появляется здесь со слов старейшины из Нокамаппу — Сэнго. Далее *айно* обнаруживается в одном из первых в Японии словаре айнского языка «Мосиогуса» (1792 г.) и в таких документах, как «Эдзо котовадза дзокува» («Повествование об увиденном на Эдзо», 1792 г.). По мере того как служащие бакуфу глубже и глубже продвигались в исследованиях земель Эдзо, в японском обществе усиливалось осознание того, что *эдзо* = *айно*. Следует отметить, что согласно документу «Эдзо сюи» («Заметки об Эдзо», 1786 г.), *эдзо* повсеместно называли себя *кай*. Слово же *айно* в качестве приоритета словам *эдзо* и *кай* отсутствует. Тем не менее известный исследователь севера Японии Могами Токунай (1755–1836) в «Ватарито хикки» («Записи о землях Ватарисима /Записи об Эдзо», 1806 г.) также указывает на *айно*. В этот период тенденция использования слова *айно* стала наиболее заметна.

В письменных источниках эпохи Кинсэй в отношении айнов употреблялось слово *айно*. После того как исследователь айнского языка Д. Бечелор стал «правильно» произносить — *айну*, в обиход вошло это слово. Киндайти Кёсукэ, в частности, подтверждал версию Д. Бечелора, согласно которой японцы (особенно на северо-восточной территории Тохоку), слыша слово *айну*, искажали его на *айно*. Тем не менее произношение *айну*, наравне с *айно*, было зафиксировано и Могами Токунай. Можно предположить, что в среде самих айнов в зависимости от региона были те, кто использовал *айну*, и те, кто называл себя *айно*²⁸.

Взгляд на *айну* как на самостоятельную народность, обладающую самобытной культурой, начал складываться в Японии лишь в начале XIX в.²⁹ Тем не менее, хотя в эпоху *бакумацу* (последние годы сёгуната Токугава, т.е. 1853–1857) понятие *эдзо* и вышло из употребления, этноним *айну* не превратился в официально используемое слово (вместо этого в последующие годы эпохи Мэйдзи, 1868–1912, был принят термин *кюдодзин* — «бывшие аборигены»).

Айны и японцы занимали районы, вплотную прилегавшие друг к другу. Конфликты и вооруженные столкновения, не раз случавшиеся между ними, были обусловле-

²⁵ Matsuzaki Mizuho. Konjyu suru wajin. С. 44.

²⁶ Кюнер Н.В. Айны. С. 5.

²⁷ Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin. С. 197.

²⁸ Kindaichi Kyosuke. Ainu-no kenkyu. С. 199.

²⁹ Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin. С. 198.

ны, с одной стороны, потребностью в освоении новых территорий, с другой — различиями в обычаях и традициях обоих народов. Интересно, что вадзин центральных и южных районов Японии вплоть до эпохи Мэйдзи (1867–1912) воспринимали вадзин северо-восточной области Хонсю, не говоря уже о Хоккайдо, как население с варварскими обычаями и причисляли последних к *эмиси*. По мнению И. Кикүти, это было обусловлено характерной для японского общества эпохи Кинсэй тенденцией усматривать в обычаях своего общества «китайские нравы», которые олицетворяли цивилизованность, а также «нравы *эбису*» или *эдзо*, которые являлись показателем прежде всего варварского начала³⁰. Например, в Японии законодательным порядком были установлены определённые нормы поведения, регламентированы правила ношения одежды, форма причёсок и пр. Путешественники с удивлением не раз отмечали, что некоторые из них жителями Тохоку не соблюдают. Так, у женщин даже после замужества или по достижении преклонного возраста отсутствовал обряд выбривания бровей, являвшийся своего рода инициацией. Такого рода «отклонения» от установленных правил и послужили причиной для негативной оценки населения Тохоку. В то же время известно, что сами вадзин северо-восточных и северных районов не воспринимали себя в качестве *эмиси* или же *эдзо*; напротив, здесь повсеместно получили распространение предания о борьбе с *эмиси*. Становится понятным, что традиции являлись важным фактором, влиявшим на отношения между различными группами населения. Все это указывает и на то, что совместное существование вадзин и айнов в пределах одной территории едва ли могло быть возможным, тем не менее археологические находки показали другое.

Речь идет о необычных захоронениях памятника Иодзан, расположенного в районе укрепления Кацуямадатэ (обл. Каминокун, Хоккайдо). Приблизительно с середины XV в. эта область стала ареной активной деятельности Какидзакэ Суэхиро и его сподвижника Такэда Нобухиро, положивших начало завоеваниям японцами о-ва Хоккайдо. Предполагается, что укрепление Кацуямадатэ было возведено здесь в 1443 г. по приказу Нобухиро (в качестве еще одной даты называют 1520 г.). Примерно в то же время у подножия горы Санроку был воздвигнут храм Каминокунидзи. Вероятно, сооружение группы захоронений Иодзан также имело непосредственное отношение к деятельности Какидзакэ и Такэда. В 1529–1536 гг. в ходе нападений айнов под предводительством вождей Танасакаси и Тарикона Кацуямадатэ стало одним из важнейших форпостов вадзин.

Что касается памятника Иодзан, то здесь нашли три айнских захоронения, среди которых оказалось погребение вадзин. Костяки были расположены в вытянутом положении *синтэнсо* и ориентированы головой на восток. Данные захоронения датируются, так же как и памятник Кацуямадатэ, серединой XV — XVI в.³¹ В числе погребальной утвари были обнаружены фрагменты лакированной посуды, ушные украшения, а также изделия из кости. Находки в Кацуямадатэ вызывают много вопросов. Тот факт, что прямо на территории захоронений вадзин появились айнские, указывает, что в данном обществе между вадзин и айнами отсутствовала столь значительная дистанция в культурном осознании друг друга³². Существует точка зрения, согласно которой айнские могилы могли появиться здесь в более поздний период, нежели захоронения вадзин.

В ходе археологических раскопок в Кацуямадатэ было обнаружено большое количество предметов, принадлежавших вадзин. Особенно много извлекли фарфоро-

³⁰ Там же. С. 203.

³¹ Matsuzaki Mizuho. Konjyu suru wajin. С. 47.

³² Sasaki Toshikazu. Ainubunkashi noto. С. 138.

фаянсовых изделий *тодзики* китайского производства, а также керамических изделий, завезенных с Хонсю, что указывает на некогда существовавшую здесь активную торговую деятельность. Кроме этого, было найдено множество предметов вооружения (металлические элементы доспехов, стилеты, ружейные пули, датирующиеся XV–XVI вв.), а также бронзовые зеркала, шпильки и различного рода утварь, характеризующая женский быт. Интересные находки представляют собой предметы повседневного быта — лаковые чашки, сосуды *сурибати*, деревянные лопаточки *хэра*, шампуры, кухонные доски для резки продуктов *манаита*, ножницы, обувь *гэта*, тушечницы, керамические чашки *тэнмокуван*.

Обращает на себя внимание то, что на территории Кацуяматэ имелись и предметы, принципиально отличающиеся от продукции вадзин. Было обнаружено большое количество тарелок из белого фарфора с вырезанными на них знаками *сириси* (в айнской культуре — знаки собственности), кроме того, изделия из кости, рыбацкие и охотничьи принадлежности и проч. — всего свыше 500 предметов. Данные находки обнаруживают связь между объектами материальной культуры эпохи Сацумон и теми, что использовали айны эпохи Кинсэй. Из числа находок выделяются предметы «вторичного воспроизводства», а также предметы, которые были изготовлены «на месте», но впоследствии пришли в негодность. Это указывает на то, что в Кацуяматэ жили также и айну, которые изготовляли и использовали эту утварь³³. Становится понятным, что обнаружение айнских захоронений в памятнике Иодзан неслучайно.

В районе, расположенном на правом берегу реки Мияносава, непосредственно под Кацуяматэ, были обнаружены четыре палочки *икупасуй* (палочки для поддержания усов при питье сакэ), изделия из кости, лук, лаковые чашки с вырезанными на них *сириси*, две деревянные ракетки для игры с воланом *хагоита*, рукоять меча *тати* и некоторые другие изделия³⁴. Все они датируются концом XVI — началом XVII в. и, очевидно, также принадлежали айнам.

Деревянная продукция, скорее всего культовая, во множестве была обнаружена в болотистой местности и на побережье, недалеко от воды³⁵. По мнению М. Мацудзакки, места, находящиеся рядом с водой, айны использовали для ритуала³⁶.

Можно предположить, что место вблизи берега служило культовым целям не только для айнов, но и для вадзин. В 1598 г. один из настоятелей храма Дайдзохоинсюкай — Дзококу (исполнявший обязанности и при святилище Хатимангу) соорудил в окрестностях Кацуяматэ, близ побережья, *сэминава* и алтарь, на котором возносил молитвы за хороший улов сельди (данный ритуал имел отношение к празднику «Хатахокомацу»)³⁷.

В 1670 г. в Каминокуни находилось примерно 150 дворов, большое поселение расположилось на западном побережье Хоккайдо. Известно, что там проживали и айны. Совместное проживание вадзин и айнов не являлось особенностью лишь Каминокуни. Среди поселений вадзин на Хоккайдо, располагавшихся вдоль побережья, начиная от Киконай и до Хакодатэ, неоднократно обнаруживаются следы айнских жилищ³⁸. Итальянский миссионер Джиролао дэ Анджелис (1568–1623), дважды посетивший Мацумаэ, в 1618 и 1621 гг., например, сравнивал айнов из Мацумаэ и тех, кто прибывал в Мацумаэ из других районов. Согласно записям посещавших владения

³³ Matsuzaki Mizuho. Konjyu suru wajin. С. 47.

³⁴ Там же. С. 83.

³⁵ Аналогичная ситуация прослеживается в памятнике Биби 6.

³⁶ Matsuzaki Mizuho. Konjyu suru wajin. С. 84.

³⁷ Там же. С. 48.

³⁸ Там же. С. 49.

Мацумаэ европейцев, между вадзин и айну имели место смешанные браки, встречались люди, свободно говорившие на обоих языках³⁹.

Земли, находившиеся к западу от замка Мацумаэ, назывались *сэйдзай*, а к востоку — *тодзай*. По результатам исследований, проводившихся кланом Хироэки в 1669 г., айны на *сэйдзай* проживали в восьми местах, а именно: Каминокуни, Тадзава, Отоэ, Комути, Аинуманай, Кэннэти, Кумаиси, Сэкирэ, на востоке — также в восьми местах: Сириути, Киконай, Мобэцу, Сацукари, Иппонги, Хэкирэ, Энхаку, Ятимаки. Они не входили в состав «призамковой» территории Мацумаэ. При делении территории на земли вадзин и *эдзо* в период 1624–1644 гг. данные регионы (западнее Каминокуни, восточнее Сириути) были включены в сферу владений вадзин и стали местами совместного с айнами проживания⁴⁰.

Айнские поселения (*котан*) располагались в устьях рек, где шла кета. Клан Мацумаэ гарантировал айнам права на добычу кеты. В поселениях Тадзава и Мобэцу были определены старшины — *отона*. Однако со временем на территорию проживания айнов в большом количестве стали переселяться вадзин. Закрепленное за айнами право отлова кеты нарушалось, а численность айнов резко сократилась. Статистические данные на 1716 г. показывают, что в западной области проживало 80 человек, в восточной — 72 чел. К 1787 г. на западе осталось 7 чел., на востоке — 5. Айны в этих районах оказались на грани исчезновения⁴¹. Относительно такого резкого сокращения населения в «Эдзо данхикки» («Рассказы об Эдзо», 1710 г.) говорится, что айны не терпели совместного проживания с вадзин, поэтому переселялись в другие места, оставшиеся же умирали в результате оспы. Документ «Эдзо соси» («Записи об Эдзо», 1786 г.), составленный Могамы Токунай, свидетельствует о частичной ассимиляции айнов. Речь здесь идет о том, что в деревне Кэннэти из поколения в поколение проживали *хякусэй*, называвшиеся *иваносукэ*. В повседневной жизни они носили японскую прическу *яробин*, с наступлением зимы не выбривали себе волосы, кроме того, носили японскую одежду. В Новый год *иваносукэ* отправлялись с поздравлениями к владельцу области. Влиятельные в поселении люди *иваносукэ* упоминаются и в «Инисэва эдзо» («Эдзо в древние времена»). Нельзя исключить вероятность того, что их предками были айны⁴². Процессу ассимиляции способствовала и совместная деятельность айнов с *хякусэй* (например, добыча лосося). В этой связи, думается, вполне обоснованно предположение, что айны превращались в *хякусэй* не только принудительными мерами, но и естественным путем⁴³.

В эпоху Кинсэй айнские поселения существовали не только на Эдзогасима, в области Мацумаэ, но также на Хонсю в районах Цугару и Симокита. В письменном памятнике середины XVII в. «Митинокуни цугаругун-но эдзу» («Иллюстрированное описание уезда Цугару области Митинокуни») имеется описание северных границ п-ова Цугару, а также п-ова Кахаку, омываемого водами залива Митиноку. В отношении поселений *эдзо* (айнов) здесь указывается, что в период 1661–1673 гг. на северной оконечности п-ова Цугару имелось 15 деревень и 42 дома: деревни Ута, Хакосаки, Госёдзука, Цунаси (Амифути), Окотараэ, Сунагамори, Хороцуки, Сёхаку, Санмяку, Мацудзаки, Бикутёма, Фудзисаки, Каманосава, Утэцу, Тацухи⁴⁴. Айны из этих поселений неоднократно упоминаются и в «Окуни никки» («Дневники клана Цугару»,

³⁹ В записях голландцев упоминается молодой человек, которого звали Ори (Оэри). Точно не известно, был ли он вассалом князя Мацумаэ или моряком, тем не менее говорил как на языке вадзин, так и на айнском. Мать у него была айнойкой.

⁴⁰ Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin. С. 83.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 84.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

XVIII в.). Они преподносили главе клана морскую продукцию (жемчуг, морские ушки, морскую капусту, морских котиков), медвежьи шкуры и морских птиц. Взамен получали различные товары, включая рис и деньги. Во время восстания под предводительством вождя Сякусяина местные айны служили клану Цугару в качестве послов или переводчиков. Одним из важнейших видов хозяйственной деятельности айнов района Цугару являлся морской промысел, в частности лов акул, что приносило клану значительную прибыль. Кроме этого, айны ведали судами *сёкайсэн* (небольшие суда, на которых вадзин переправлялись по морю сами либо перевозили товары), а также занимались земледелием *якибата* (подсечно-огневая система) на горных полях. Однако с наступлением XVIII в. айны Цугару стали вливаться в число японских рыбаков. В то время клан ввел особые правила на рыбный промысел, что повлекло за собой ряд ограничений. Одновременно с этим стал заметно сокращаться улов ряда важнейших промысловых видов рыбы. Собственный рыбный промысел как вид заработка стал затруднителен, и айны постепенно стали выступать в роли наемной рабочей силы, главным образом в качестве моряков и горных рабочих. Ассимиляции айнов и превращению их в *хякусэй* способствовала также деятельность Ниюи Мицуги, проводившего административные преобразования в 1756 г. По его инициативе айнов заставляли делать японские прически *сакаяки*, изменять некоторые обычаи. Около 50 чел., гордившихся своей культурой, из районов Мацудзаки, Рокудзёнома, Фудзисима, Камадзава, Камиутэцу, Симоутэцу отказались подчиняться нововведениям и бежали в горы⁴⁵. Впоследствии в 1806 г. проводились повторные мероприятия, направленные на ассимиляцию айнов. В результате они были включены в *хэймин* (простой народ). Вопрос же национальной принадлежности стал размываться. Кита Садакити (японский историк конца XIX — начала XX в.), изучавший айнов района Тохоку с позиции истории становления японской народности, считал, что деятельность клана Цугару следует охарактеризовать как «освобождение айнов». По его мнению, до того как айны были «включены» в состав японского общества, они подвергались жестокой дискриминации. И. Кикүти считает, что в оценке Кита Садакити чувствуется недостаточное осознание уникальности айнского народа⁴⁶.

Кита Садакити в свое время обратил внимание на памятник «Тоюки» («Записи о путешествии по востоку», XVIII в., составленный Татибана Нанкэй, в котором говорится что деревенские жители окрестностей Намбу и Цугару в большинстве своем были представлены *эдзо*. В тех районах, где *эдзо* подчинялись японским властям, их речь и обычаи изменялись довольно быстро и они превращались в японцев быстрее чем их предки. Данное упоминание свидетельствует о существовании айнов, которые к середине XVII в. ассимилировались естественным путем⁴⁷.

Относительно айнов Симокита, подробная информация отсутствует. В хронике «Дзассё» («Разные записи клана Мориока (Намбу)», XVII в.) сказано, что в 1665 г. айны обменивались дарами (обряд назывался *омэмизэ*) с представителями главы клана Мориока. Они преподнесли медвежьи шкуры, а взамен получили рис, мечи *эдзотати* и темно-красные хлопчатобумажные ткани. Далее в записях, сделанных посадником Танабу (г. Муцу), зафиксировано, что в 1644 г. из Утиура в Танабу пришло пять судов *эдзо* с сельдью и сушеной кетой. В том же году из Мэнаси в Танабу прибыли четыре *эдзо*, которые преподнесли главе клана живого журавля. Они намеревались приехать и в следующем году. Тогда же наместник Танабу купил у айнов из Мэнаси две шкуры морских бобров и отослал их в Мориока. В настоящее время трудно установить, что за районы представляли собой Утиура и Мэнаси. Очевидно, это была об-

⁴⁵ Там же. С. 85.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 86.

ласть Хоккайдо. Утиура, вероятно, располагался в районе залива Утиура, а Мэнаси — в районе Хидака.

Сохранились сведения, согласно которым предводитель айнов Аситака из Икокума (со стороны пролива Цугару) и предводитель айнов Хаппира из Вакинодзава (со стороны залива Митиноку) руководили родственными айнскими семьями и получали от клана Мориока *эдзохиэ* («куриное просо *эдзо*»). В клане Цугару также в период 1661–1673 гг. существовал обычай выплаты так называемого «зерна *эдзо*». Думается, он напоминал *эдзохиэ*. В 1771 г. обычай выдачи *эдзохиэ* был отменен. Вероятно, в то время в клане Намбу произошло «исчезновение» *эдзо*. Скорее всего, в конце XVIII в. айны просто перестали отличаться от японцев, проживавших в округе, и получили статус *хякусэй*. Айны, существовавшие в землях Мацумаэ, Цугару и Симокита (которые в период 1661–1673 гг. были зафиксированы в письменных источниках вадзин как *эдзо*), с середины по конец эпохи Кинсэй подверглись насильственной ассимиляции и перестали отличаться от вадзин⁴⁸.

Следует отметить, что обычно айны воспринимались вадзин как население иного государства, поэтому и земли вадзин, и земли *эдзо* были четко разграничены. Тем не менее в документе, пожалованном самим Токугава Иэясу (1543–1616), основателем сёгуната Токугава, главе дома Мацумаэ — Какидзаки Ёсихиро, где определялась правовая база домена, речь шла и о правах айнов на свободное перемещение. То, что свободное перемещение айнов в то время было фактически официально санкционировано правительством бакуфу, очень важный момент в вопросе о проникновении айнов в глубь территорий вадзин. Напротив, перемещение вадзин (в том числе и в пределах Эдзогасима) строго контролировалось. Так, купеческие суда не имели права заходить в порт Мацумаэ и осуществлять торговлю с *эдзо* без разрешения главы клана (это касалось и фамилий Намбу и Цугару). Границы Мацумаэ охранялись сторожевыми постами, которые населению княжества строго запрещалось нарушать. Такие посты находились в Камэда и Кумаиси⁴⁹.

Айны с Эдзогасима (Хоккайдо) нередко посещали северо-восточную область Хонсю, и их обычаи оказывали определенное влияние на местные традиции. В качестве примера можно рассмотреть айнов из Исикари. Согласно свидетельствам, полученным от главы айнов Исикари — Хаусакэ в 1661–1673 гг. («Цугару иттоси» — «Описание Цугару», XVII в.), их предки некогда ездили торговать в Такаока. Такаока с 1611 г. являлся призамковым городом клана Цугару, а в 1628 г. он был переименован в Хиросаки. Таким образом, уже в начале эпохи Кинсэй (по крайней мере, до периода 1624–1644 гг.) айны Эдзогасима занимались интенсивной торговлей и переправлялись через пролив Цугару в районы Намбу, Симокита и Цугару⁵⁰. Владения Намбу, Цугару и Мацумаэ стали территориями совместного проживания айнов и вадзин.

Айны продолжали прибывать с Хоккайдо на Хонсю и в последующие времена. Этот факт был зафиксирован Мураками Тэйсукэ в памятнике «Гэнси мампи цуфудо нэнпё» («Природные особенности [области Симокита] и хронология [событий]», 1820 г.). Согласно этому памятнику, в 1812 г. группа айнов из Нэморо и Бироу на японском судне прибыла в область Симокита. Им было позволено в традиционной одежде прошествовать по улицам г. Оота. Кроме того, имеется информация о том, что среди местного населения получили распространение некоторые айнские обычаи. Нередко выходили указы, запрещающие подражать этим обычаям, но такие указы

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 74.

⁵⁰ Там же. С. 78.

нарушались⁵¹. Благодаря источнику «Сотогахам дзутахи» («Описание области Сотогахам», 1788 г.), составленному Сугаэ Масуми, мы располагаем сведениями о существовании айнов на побережье п-ова Цугару. Сугаэ Масуми посетил Муцу и Дэва в 1788 г. Интересное наблюдение им было сделано в районе Урасимахаяси. Он писал: «...на северо-востоке имеются следы жилищ, в которых проживали эдзо, называемые *дзиросаку*». Что послужило основой для подобного заявления (сохранились ли в тех местах остатки построек или вырытые ямы), не известно⁵². Примечательно также, что со слов некоего синтоистского священника, который бывал в Урасимахаяси, название заставы — «Нонай», расположенной в той местности, изначально являлось айнским словом.

Интересные заметки Сугаэ Масуми сделал в одном из населенных пунктов в Камиутэцу на побережье. Оказалось, что жители этого побережья являлись потомками эдзо. Судя по слухам, писал Сугаэ Масуми, они лишь с недавнего времени стали брить усы, стричь голову, а женщины перестали делать татуировки, и теперь их совершенно нельзя отличить от японцев. Видимо, некогда на этом побережье в разных местах проживало много эдзо, таких, как *нигиэдзо*, *араэдзо* и пр. В Камиутэцу Сугаэ Масуми арендовал жилище у некоего Сиро Сабуро, который являлся потомком Куматакайбу из Утэцу. Здесь также жили потомок Хэкириба из района Хиродзуки, который стал именоваться Матаэмон, потомок Кафутайбу из Мацугасаки, в настоящее время известный как Дзирохэ, а также потомок Мусакайбу из Фудзисима, получивший фамилию Сэйхати. Фамилии предков (отличавшиеся от японских по звучанию) свидетельствовали об их айнском происхождении. Старшим являлся Ситироэмон из Хамаанаура, которого все называли «ояката» («старший»). В конце года под руководством старшины в окрестностях небольшого островка они добывали морского зверя и затем сбывали его⁵³. Становится понятным, что айны в течение нескольких поколений проживали в тех районах. Кроме того, в записях *какотё* (списки умерших) из храма Ообасанэцусинин, расположенного на п-ове Симокита в области Вакиносавы, можно обнаружить, судя по всему, айнские фамилии. Они упоминаются в записях от 1715 и 1723 гг. Это также свидетельствует о существовании айнов на территории Симокита. Обращают на себя внимание и айнские останки, обнаруженные в пещерах Иваидокуцу, расположенных в Сириядзаки на северо-восточной оконечности п-ова Симокита. Останки относятся к эпохе Кинсэй. Судя по тому, что они находились вне храмовых захоронений, те, кому они принадлежали, не являлись жителями п-ова Симокита. Вероятно, во время охоты айнское судно было прибито к берегу и айны были вынуждены временно пребывать в Иваидокуцу. В «Гэнси мампи цуфудо энпё» (Мураками Тэйсукэ), также встречаются записи о том, что нередко лодки эдзо прибывало к берегам Симокита либо они приплывали сами.

Из раковинных куч, расположенных недалеко от Иваи, были извлечены наконечники гарпунов хоккайдского типа. Можно предположить, что айны приплывали сюда на сезон охоты и, построив жилища, временно проживали здесь. По одной из классификаций гарпунов, данные находки соотносятся с периодом с XIV по XVII в. Следует учитывать и тот факт, что и в районе Цугару и Симокита в большом количестве были обнаружены доки эпохи Сацумон, приблизительно середины X в.⁵⁴

⁵¹ *Otsuka Kazuyoshi*. Ainu fuzoku-no wajin shakai ni okeru juyō mōho ni tsuite (О восприятии айнских обычаев и подражании им в обществе вадзин) // *Nihonjin to nihonbunka-no keisei* (Становление японской культуры). Токио, 1993. С. 112.

⁵² Там же. С. 114.

⁵³ Там же

⁵⁴ Там же. С. 115.

В заключение следует отметить то, что не только айны переправлялись с Эдзогасима на Хонсю, но и вадзин из районов Цугару и Симокита отправлялись в земли эдзо и занимались там рубкой леса и заготовкой лесоматериала⁵⁵. Например, в источнике «Эдзо кокусики» («Личные записи об Эдзо», 1751–1764 гг.) указывается, что айны не работали в горах, поэтому множество людей из Оохата (клан Намбу) района Симокита собирались вместе, под руководством айнов приплывали в земли эдзо и отправлялись в Исикари⁵⁶. Вероятно, что вырубка леса на Эдзо осуществлялась именно вадзин.

Смешение японцев и айнов происходило и на территории торговых мест *басё*, организованных системой *акинаба тугё*⁵⁷. Здесь вадзин, наряду с торговлей, предоставлялось право заниматься рыбным промыслом. Постепенно выходцы из Симокита стали проникать на Кунашир, Итуруп и Сахалин⁵⁸.

Становится понятным, что совместное проживание айнов и японцев было обусловлено различными факторами. Основными из них были потребность в торговле, процесс колонизации (освоение японцами новых северных территорий и включение их в сферу своего влияния) и внутренняя политика бакуфу Камакура. Торговля с течением времени принимала различные формы и наибольшего размаха достигла в эпоху Кинсэй. В это время айны с Хонсю стали вливаться в состав японской народности. Все это, несомненно, оказало влияние на то, что некоторые обычаи вадзин и айнов⁵⁹ перенимались друг у друга, взаимообогащая обе культуры.

Summary

A.M. Sokolov

Emishi — ezo — ainu.

**The Ainu on Japanese territories in the Middle Ages and Kinsei epoch
(Tsugaru, Shimokita [Honshu] and Matsumae [Hokkaido])**

The article briefly reviews the formation of the Ainu people that began no later than the 12th–13th centuries. Hokkaido is believed to have been the original territory of the Ainu.

Hokkaido population was not a uniform ethnic community until approximately the 12th century. From the 12th century on, Hokkaido aboriginal population ezo, having undergone a strong Far Eastern cultural influence, started to acquire the Ainu appearance. The author of this article discusses the concepts of emishi, ezo, ainu in detail.

Archaeological materials from Hokkaido and North-East Tohoku area show that the Ainu and the Japanese lived together there in the age of Kinsei. This information is proved by Japanese written sources of the 17th and 18th centuries. In the light of studying Ainu-Japanese cultural relationship, these materials have an important meaning.

⁵⁵ Почему вадзин в большом количестве отправлялись на Эдзогасима в качестве сезонников, можно объяснить суровым климатом и низким уровнем жизни в области Симокита, где не получило распространение рисосеяние, а основными видами хозяйственной деятельности являлись рыболовство, лесозаготовки и выращивание побочных зерновых.

⁵⁶ *Otsuka Kazuyoshi*. Ainu fuzoku-no wajin. С. 117.

⁵⁷ *Акинаба тугё* — система торговых отношений между кланом Мацумаэ и айнами в эпоху Кинсэй. Монополизировав торговлю с айнами, глава клана Мацумаэ и его вассалы лично направляли свои суда в земли айнов, по низкой цене приобретали там необходимые товары и затем перепродавали их купцам с о-ва Хонсю.

⁵⁸ *Kikuchi Isao*. Ainu minzoku to nihonjin. С. 132.

⁵⁹ Айнская одежда *аттуси*, завоевавшая признание в качестве превосходной рабочей одежды, была быстро воспринята вадзин и стала объектом подражания не только в Оохата, но и в Цугару и Симокита.